

И. Я. Любич-Кощуров

РЫЦАРЬ
БОМБНОГО
МЕЧА

Иоасаф Любич-Кошуров
Рыцарь Большого Меча

«Остеон-Групп»

1910

Любич-Кошуров И. А.

Рыцарь Большого Меча / И. А. Любич-Кошуров —
«Остеон-Групп» , 1910

ISBN 978-5-85689-201-6

Эта сказочная повесть рассказывает о том, как к одному петербургскому мальчику во сне является некий старик-алхимик и посвящает его в члены рыцарского ордена Большого Меча, который призван стоять на защите всех обиженных, униженных и угнетённых. О том, как мальчик воспринял свое новое звание и какие шаги в связи с этим предпринял, рассказывает эта увлекательная повесть.

ISBN 978-5-85689-201-6

© Любич-Кошуров И. А., 1910

© «Остеон-Групп» , 1910

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

И. А. Любич-Кошуров

Рыцарь большого меча

Глава I

Они жили в маленькой комнатке в одно окно, с входною дверью как раз против окна. Дверь эта вела в коридор, очень темный и довольно грязный, с некрашеным полом. Уже в четыре часа в коридоре зажигали висячую лампу с большим жестяным зонтом. Лампа давала мало света и, как войдешь в коридор, только и бросалась в глаза эта лампа, тускло мигавшая под потолком, да в освещенном ею пространстве белёные стены коридора и беленый потолок с громадною изогнутою тенью от проволочной дужки, на которой висела лампа на стенах и тенью расплывчатым кольцом от зонта, – на потолке.

Неясно вдоль стен коридора обозначались в полумраке двери.

Чем дальше в глубину коридора, тем неопределеннее становились очертания дверей и тем уже казались простенки между ними, а в глубине коридора и двери, и стены, и потолок ступеньками вывалились в один общий тёмный тон.

Только когда зажигали газовый фонарь на улице, в широком квадратном окошке в глубине коридора от фонаря трепетал на стеклах слабый, точно родившийся в самом воздухе, из самого мрака, неясный свет.

Весь дом был рассчитан исключительно на мелких жильцов и был весь разгорожен на маленькие комнатки, расположенные одинаково во всех трех этажах – дверь против двери, двумя параллельными рядами по сторонам коридора.

Они занимали комнату в нижнем этаже.

Они давно уж жили тут, потому что, правда, трудно было найти где-нибудь более дешёвую комнату.

Комнаты в нижнем этаже отдавались по шесть рублей в месяц.

Это было как раз им по силам.

В комнате постоянно было тепло, а в других домах в той части города, где им приходилось жить, они часто во время работы зажигали «лампу-молнию» и ставили ее на стол поближе к себе, чтобы не зябли руки.

А тут незачем было зажигать лампу-молнию. На первое время, как они перебрались сюда, они были рады хоть этому теплу. И в первый же вечер, когда все трое они сидели за столом, каждый за своим делом, старшая сестра сказала младшей:

– Вот рай-то!

На её широком желтоватом лбу с толстыми морщинами собрались капельки пота. Она смотрела на сестру немножко исподлобья маленькими серыми, блестящими глазками, откусывая нитку на шитье, и когда откусила нитку, положила шитье на стол и положила рядом ладони по сторонам шитья, прислонившись спиной к щитку стула.

– Прямо баня, – проговорила она тихо, продолжая смотреть на сестру искрящимися, окруженными теперь мелкими морщинками, глазками и улыбаясь в то время, как говорила.

Потом она перевела глаза на Володьку, тщедушного, с острыми плечиками, с бледным, худеньким личиком, сидевшего рядом на сундуке, положила на лоб ему руку и слегка запрокинула ему голову.

На лице Володьки появилось было немного недовольное выражение, потому что он тоже, вероятно, как и все люди, не любил, чтобы ему мешали за работой: он именно в это время вырезал ножницами из бумаги что-то, что он один знал и что, может быть, никому не было нужно, а для него было необыкновенно важно...

Он чуть-чуть повел головою из стороны в сторону, стараясь высвободить голову из-под руки тётки.

– Тепло тебе, Володька?

Володька наклонил голову вниз, так как рука тётки более свободно скользнула у него по голове к затылку, и потом опять взглянул на тётку снизу вверх большими, ясными глазами с длинными загибавшимися кверху ресницами.

Он ничего не ответил, только улыбнулся, и сейчас же эта улыбка передалась глазам, точно отразилась в глазах, в этих больших, ясных глазах на худеньком личике. Точно всё лицо улыбнулось.

А младшая сестра, Володькина мать, тоже оставила работу, смотрела на него и тоже улыбалась.

– Пусть его, – сказала она сестре через секунду, опять принимаясь за иголку и еще раз взглянув на Володьку, как он, взяв ножницы и сосредоточенно сдвинув тонкие белые брови, принялся резать бумагу.

В комнате было тихо. Только часы тикали.

Штукатуренные стены и потолок ярко белели в свету комнаты, белели на стене крытые белой краской дешевые деревянные часы, сверкая отчищенным ради переезда маятником, белели на подушках на кровати коленкоровые наволочки, полотенце у изголовья кровати на гвоздике, старая заплатанная простыня, которою было завешено развешанное на проволочной вешалке платье.

Сестры шили молча, не переговариваясь. Володька сидел на своем месте, на краю стола, и вырезал из бумаги то, что ему было нужно, внимательно и сосредоточенно следя за ножницами.

Больше у Володьки не было никакого занятия, никаких игрушек.

И товарищей у него тоже не было, потому что сестры не отпускали его от себя никогда ни на двор, ни на улицу, потому что Володька у них тоже был один, и у них, как и у Володьки, не было никого близких.

И Володька никогда не просился ни на двор, ни на улицу. Целый день он сидел с сестрами и резал бумагу, поворачивая ее то так, то этак, и когда вырезал какую-нибудь фигурку, клал ее перед собою на стол или брал в руки и рассматривал очень серьезно и очень внимательно.

И иногда, когда он рассматривал так свою работу, все лицо его вдруг, все черты вздрагивали как-то странно, глаза широко открывались и на губах появлялась улыбка и долго не сходила с уст, точно губы замирали на этой улыбке...

И в глазах тоже застывало одно выражение.

Иногда он даже смеялся громко про себя, как смеются или плачут во сне, – особенным горловым смехом, точно в забытии.

– Чего ты, Володька? – спрашивали у него мать или тётка.

Но Володька только вскидывал на них глазами, продолжая улыбаться все так же, только улыбка его становилась несколько мягче и в ней появлялось особое выражение, как всегда, когда глаза его встречались с глазами матери.

Ведь я же сказал, что он один у них был, у матери и тётки, этот Володька, и когда они говорили с ним или смотрели на него, в их глазах и в тоне голоса было что-то, что заставляло замирать Володькино сердце, ощущение тихой, но великой радости, впивавшейся глубоко в душу.

Но Володька только улыбался в ответ и ничего не отвечал.

Володьке шел уже восьмой год, а он говорил так же неумело, как пятилетний ребенок.

Ему даже было как будто трудно говорить, трудно справиться со словами или подыскать слова для точного определения своих чувств и мыслей.

И часто он предпочитал вовсе не говорить.

И это казалось странным многим, кто приходил к сестрам с заказом, – почему Володька говорит так плохо?

И многие из заказчиков и из заказчиц, приглядываясь к Володьке во время примерки платья, когда кончена была примерка, спрашивали иногда:

– Почему он у вас такой? Больной, должно быть?

Володька, и правда, производил впечатление больного.

Лицо у него было бледное, худое, без капельки румянца, отливавшее немного в восковую желтизну, и особенно сильно проступала эта желтизна небольшими пятнами на лбу около висков, на висках, на подбородков. И когда он смеялся или начинал говорить медленно, невнятно, пропуская целые слоги и пристально смотря в глаза тому, к кому он обращался, точно стараясь угадать или спрашивая этим взглядом, понимают ли его, – на лице у него появлялось выражение именно как у больного, когда больной силится приподняться или встать и не может и ему жалко себя, зачем он не может встать или подняться.

И заказчицы и заказчики спрашивали:

– Болен он у вас?

А сестры гладили Володьку по голове и всегда отвечали одно и то же, заглядывая Володьке в глаза и потом переводя глаза на того, кто у них спрашивал про Володьку:

– Нет, это он так, потому что, знаете, ведь мы его никуда не пускаем, он все с нами, а нам когда с ним говорить: день шьешь, ночь шьешь, – все молча... И он молчит, и мы молчим.

И если заказчик с виду был не из простых, какая-нибудь из сестер поясняла неуверенно:

– Практики нет, вот он и говорит так плохо...

И чуть-чуть краснела за это слово «практика» которое она, может быть, произнесла неправильно, и бросала быстрый взгляд на заказчика.

Они были совсем простые, эти портнихи, учились грамоте кое-как между иголкой и ножницами, а если потом немного образовали себя сами, то потому только, что у Володькиной матери от мужа, умершего очень рано, осталось несколько книг, и Володькина мать, овдовев, пристрастилась в одиночестве к чтению, а потом, когда она стала жить с сестрой, и сестру приохотила к чтению.

Может быть, это было не совсем хорошо, что они не находили времени заняться с Володькой, а читать у них было время... Но Володька всегда сидел так тихо, так был поглощен своими вырезками из бумаги...

Раз, когда младшая сестра слушала, а старшая читала, младшая тихонько дернула старшую за рукав и шепнула:

– Смотри, он слушает.

И повела глазами в сторону Володьки.

Старшая оборвала чтение, подняла голову и тоже взглянула на Володьку.

Володька вздрогнул, мигнул весами и, полуоткрыв рот, остановил глаза на тётке; потом он опять мигнул веками.

Он словно проснулся, словно был перед тем в забытии или думал о чем-то и очнулся.

– Ну, что ж, пусть его слушает, – опять шепнула младшая, наклоняясь к плечу старшей, и взяла ее за талию. – Пусть слушает, – повторила она так же тихо, трепетным голосом, прижимаясь лицом к сестры и не глядя больше на Володьку. Она замолчала и сделала вид, что смотрит в книгу. Но она ничего не видела в книге.

Потом она сказала громко:

– Ну, что же ты, читай? Где ты тут остановилась? – Голос её слегка вздрогнул.

– А ведь он и то слушал, – сказала старшая сестра.

– Он понимает, он понимает, – прошептала Володькина мать, обняв сестру крепче и плотнее к ней прижавшись. Искося потихоньку она бросила на Володьку короткий взгляд и сказала опять тихо: – Читай, читай.

Когда вечером в тот день сестры легли спать и Володька тоже лег на сундуке рядом с матерью, мать спросила у него:

– Ты слышал про что мы сегодня читали?

Она весь вечер собиралась спросить у него про это, но только заглядывала на него и не могла спросить. Она не знала, что ей ответит Володька.

Может, он совсем не слушал, а только прислушивался к звуку голоса тётки, как иногда прислушивался к другим звукам, например, к тиканью часов или к иным, которые он постоянно слышал, но которые почему-то – почему она не знала – в минуты какого-нибудь непонятного ей состояния его души особенно и надолго приковывали его внимание.

Может быть, он, правда, больной, как говорили многие.

И она боялась в ответ на свой вопрос встретить его взгляд недоумевающий и удивленный и увидеть его лицо, озаренное больной бессознательной улыбкой.

И теперь, когда она обратилась к нему с этим вопросом, голос у неё вышел сдавленный, слова будто застревали в горле...

Но Володька ответил тихо и просто, только более медленно, чем всегда, очевидно думая в это время о чем-то, что очень его сейчас занимало:

– Слышал...

И он стал спрашивать про то и другое, о чем говорила тётка.

Многое для него было непонятно, но он запомнил всё, что для него было непонятно.

Он лежал навзничь и смотрел вверх большими мерцавшими под длинными ресницами, как зарницы, на бледном личике глазами и говорил, как всегда, картавя, тихо и вдумчиво.

В комнате было совсем светло, потому что комната была маленькая, с чисто побеленными стенами, и лампадка, висевшая в углу перед образом, заполняла ее всю ровным, желтоватым светом.

Володькино лицо на белой наволочке подушки с разметавшимися вокруг русыми волосами казалось совсем восковым; только чуть-чуть розовели тихо шевелившиеся губы, когда он говорил, да глаза светились тихим, слабым мерцающим блеском.

И они долго говорили так, мать и сын, в этот вечер, озаренный бледным светом лампы.

Володька совсем не знал жизни, не знал, что на свете есть богатые и бедные, потому что большую часть своей жизни он провел в этом доме, где все были равны, у всех были одинаковые комнаты, почти одинаковый обед, одинаковое платье, все приблизительно одинаковое, не знал, что есть злые и добрые, счастливые и несчастные.

До сих пор он не знал ничего, кроме своих вырезок из бумаги.

Но сегодня эта жизнь глянула на него из той книги, что читала тётка...

И Володька знал, что это не ложь, не сказка, а правда.

Самая настоящая правда.

На другой день он выпросился в коридор, потому что окошко их комнаты выходило на двор, а ему хотелось к тому окну, которое выходило на улицу.

У его матери была спешная работа, но она урвала минуту, чтобы постоять с Володькой у окна в коридоре.

Она поставила его на подоконник и сама стала с ним рядом коленями на стул, стоявший под окошком.

Одною рукой она поддерживала Володьку сзади, другою опиралась о подоконник.

Володька долго молча смотрел на улицу, прямо перед собою и в стороны. Вдруг он тихонько тронул мать за плечо и сейчас же прильнул лицом к стеклу.

– Смотри, смотри, – произнес он почти беззвучно и вдруг повернул лицо к матери.

– Видишь, вон он...

И опять прильнул к стеклу.

На улице никого не было, кроме человека в летнем пальто, в летней шляпе, с одутловатым лицом, с большими на выкате, слезящимися от холода или от ветра глазами, с синевой под ними и красными припухшими веками. Он стоял с краю тротуара, сгорбившись, засунув руки в рукава пальто, и смотрел перед собою вдоль улицы, полуоткрыв посиневшие губы.

– Несчастный? – сказал Володька, опять повернувшись к матери. – Да?

– Нищий, – ответила мать.

Володька замолчал.

Человек в летнем пальто перешел на ту сторону улицы и пошел по тротуару быстро, переставляя ноги, все так же сгорбившись и держа руки засунутыми в рукава пальто.

Проехал извозчик по улице, прошел по тротуару господин в пальто с барашковым воротником, прошла дама с собачкой. Еще прошло несколько человек...

Володька стоял на подоконнике и спрашивал, указывая то на того, то на другого:

– Это злой?.. Это добрый?.. Это опять нищий?..

– Пойдем к себе, – сказала ему мать.

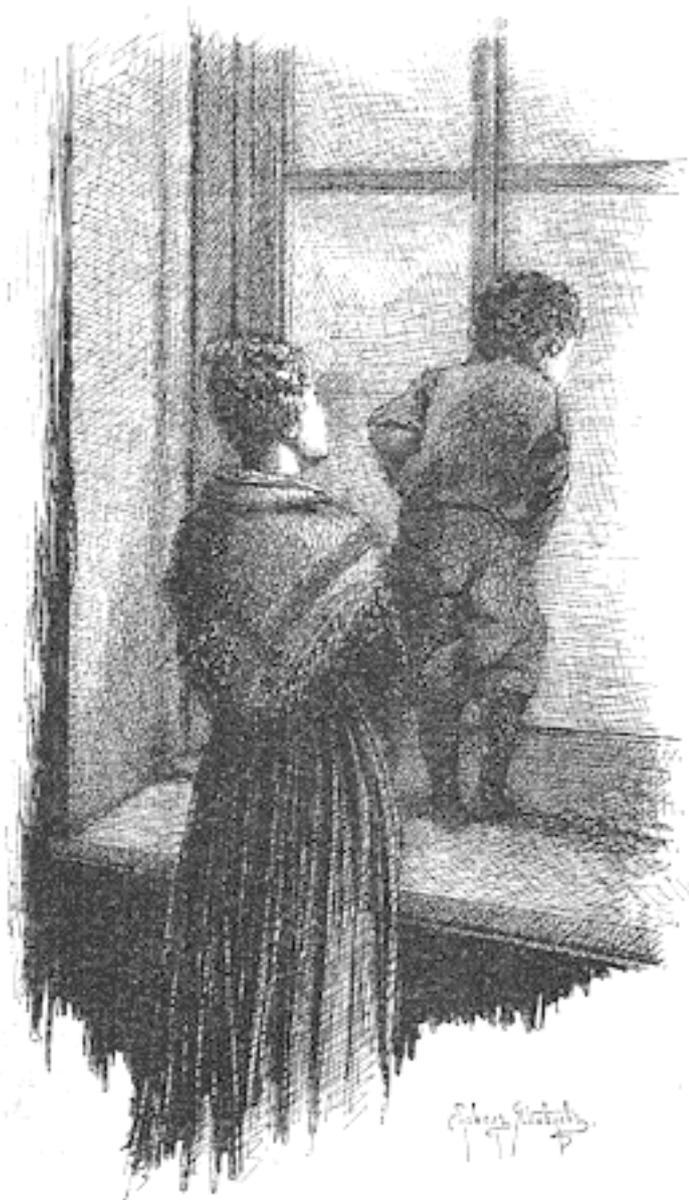
Он послушно, не глядя на мать, слез с подоконника на стул, потом на пол. Мать взяла его за руку и повела в комнату.

Володька шел за ней так же послушно, как будто у него не было своей воли, переставляя ноги машинально, как автомат, казалось, только потому, что его тянули за руку.

Вернувшись в комнату, Володькина мать села за работу, а Володька взобрался на сундук и сел не за стол, как всегда, а в угол, где висело материно платье.

И он долго сидел там на корточках, перебирая складки платья.

– Володька! – окликнула его тётка, и сейчас же Володькина мать оставила работу и взглянула на него. – Володька, ты бы занялся с ножницами.

– Не надо, – откликнулся Володька, – мне больно тут...

Он приложил руку к груди. Голос у него был слабый и тихий; когда он посмотрел на тётку, он хотел было улыбнуться, но улыбка не вышла, и глаза сразу словно потухли.

Он отвернулся и опять протянул руку к платью.

– Где больно? – спросила тётка, откладывая шитьё в сторону и подвинувшись к нему.

Мать смотрела на него, не двигаясь с места, не мигая, не шевелясь, с напряженным, несколько встревоженным выражением на лице.

– Тут, – повторил Володька, опять коснувшись груди, и потом, остановив на тётке глаза, болезненно и слабо добавил: – Да нет, не так больно... мне плакать хочется.

– Он дурит, – сказала тётка, поглядела на сестру и усмехнулась, – небось на улицу хочет... показала – он и скучает.

Она повернулась снова к Володьке и спросила:

– Скучно тебе? Да?

– Скучно, – отозвался Володька.

– А говоришь больно?..

По лицу Володьки пробежало что-то тоскливое, болезненное, что всегда появлялось у него в лице, когда у него спрашивали о чем-нибудь, а у него не находилось нужных слов для ответа.

У него, правда, была боль там, в груди, в сердце, и эта боль сосала сердце и сердце ныло... И он знал, что это вовсе не скучно, а нечто большее, нечто другое... И еще больней ему было, что он никому не мог рассказать про эту свою боль и не умел назвать ее.

Он лег на сундук (на сундуке постоянно лежала его постель), подложив под щеку руку и пригнув колени к животу.

В комнате стало тихо. Сестры, как всегда, работали молча, Володька молчал тоже.

Слышно только было, как изредка шуршит ситец в руках у портних, да через равные промежутки времени быстро продергиваемая сквозь лощеный ситец нитка издавала характерный шумящий свист.

Володька лежал на сундуке и смотрел в противоположный угол, где на маленьком столике-шкафчике стояла небубранная после утреннего чая чайная посуда, лежали обгрызенные маленькие кусочки сахара, корки от булки, щипцы от сахара.

Вдруг Володьке бросился в глаза между стаканами, ближе к стенке, знакомый темно-зеленый переплет и толстый черный корешок с вытисненными на нем золотыми буквами.

Выражение необыкновенно тоскливое и мучительное легло в чертах Володьки, когда он увидел эту книгу.

Эту книгу вчера читала тётка. Она, эта книга, давно уже была у них, но до сих пор для Володьки она была все равно, как всякая другая вещь – только вещь, не больше. Но теперь, когда он смотрел на нее, он испытывал странное состояние, будто тёмно-синий переплет этот заключал в себе не одни только листы, но хранил в себе многие, многие слёзы, муку, страдание и скорбь; будто эти листы пропитались слезами, впитали в себя скорбь и муку.

Эта скорбь и мука, и слёзы были теперь тут у него, в их комнатке...

И близость этого страдания и этой муки давила ему душу, сжимала сердце, делала жизнь ужасной, невыносимой, по крайней мере, в эти минуты.

В книге именно описывались бедные, страдающие люди, о которых все давно забыли и к которым никто не хотел придти на помощь.

Но сейчас Володька не думал об этих людях, он испытывал только муку в себе, и эта мука наполняла его всего, всю душу и мучила, и заставляла страдать одним всепоглощающим страданием.

Он повернулся лицом к стене, закрыл глаза, спрятал голову в подушку, чтобы ничего не видеть, ничего не слышать.

Он долго лежал так. И он чувствовал, как постепенно уходит из души его тоска, как успокаивается в нем что-то, что мучило его и надрывало грудь.

Он не заметил, как он заснул.

Он всегда спал в это время, и когда до сестер долетало его ровное дыхание, старшая сказала младшей:

– Ну, ведь я же говорила, что с ним ничего.

И она стала говорить, что нельзя Володьку постоянно держать взаперти, что он уже не совсем маленький.

Проснувшись, Володька опять взялся за свои ножницы и бумагу.

Вечером тётка после работы открыла книгу и стала искать место, где она вчера остановилась, а мать, взяв Володьку за талию и заглядывая ему в глаза, спросила:

– Ну, что ж, опять будешь слушать?

Она ожидала, что Володька, как вчера, отложит в сторону ножницы, сложит на коленях руки и будет сидеть прямо и тихо и слушать.

И Володька точно на слова матери поднял голову от бумаги и выпростал пальцы из колец ножниц; но едва взгляд его упал на книгу, губы его скривились и в глазах, вдруг широко открывшихся и остановившихся на книге с таким выражением, как будто он увидел там что-то, на что не мог смотреть без содрогания, загоралась такая тоска, такая мука и вместе ужас и боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.